

ВЛАСТОМАНИЯ (ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ)

Е.А. Рахмановская

БЕСПОЩАДНОЕ ВЛАСТОЛЮБИЕ

Аннотация. Предметом исследования является феномен властолюбия как выражение особого, страстного начала человеческой природы. Существование власти обусловлено социальной необходимостью, общество немислимо без правителя, однако стремление к обретению власти не является простым ответом на запрос о лидере. Оно коренится в самых глубинах человеческой души, возникая в качестве своеобразного ответа на экзистенциальную потребность единения с миром, преодоления чувства невосполненности. Разум оказывается не способным обуздать жажду власти, ввести её в рамки рациональности. В статье автор прибегает к использованию методов и принципов философской антропологии, социальной философии и психоаналитического подхода. Новизна данного исследования заключается в рассмотрении феномена властолюбия как неистощимой страсти, универсальной потребности человека, которая в то же время поддерживается и поощряется социумом. Отмечается, что властолюбие в значительной мере порождается неспособностью к установлению полноценных эмоциональных контактов, отказом от выстраивания личностных структур в пользу фикции превосходства. Делается вывод, что мания власти не только лишает свободы, ограничивает, устанавливает диктатуру, но и берёт в заложники самого властолюбца, обедняет и обуживает его личность, вытравляет чувства.

Ключевые слова: интеллектуальная диктатура, подчинение, страсти человеческие, природа человека, деспотизм, власть, властолюбие, компенсаторные механизмы, психопатология власти, эмоциональное оскудение.

Abstract. The subject of the research is the phenomenon of the will to power as a peculiar passionate beginning of human nature. The appearance of power is caused by the social need because society cannot do without a governor, however, the phenomenon of leadership cannot be reduced to the will to power. It is rooted in the depths of human soul and appears as some kind of response to the existential need to be united with the surrounding world and to overcome the feeling of incompleteness. Human mind fails to fight against the lust for power and to make the desire for power rational. In her research Rakhmanovskaya has used methods and principles of philosophical anthropology, social philosophy and psychoanalytical approach. The novelty of the present research is caused by the fact that the author views the phenomenon of the lust for power as a drainless passion and universal need of human which is at the same time supported and encouraged by the society. It is noted that the will to power is in many ways caused by the inability to establish good emotional contacts with others and the failure to develop personal traits for the benefit of the illusion of superiority. At the end of the article the author concludes that the power mania does not only deprive of freedom and establishes dictatorship but also conquers the one who has the love for power, impoverishes his personality and his feelings.

Key words: psychopathology of power, compensating mechanisms, intellectual dictatorship, submission, man's passions, human nature, emotional poverty, despotism, power, will to power.

Власть – социальная необходимость или человеческая страсть

Власть является необоримой, неутолимой человеческой страстью. Борьба за неё всегда была фоном исторического процесса. Хотя, быть может, отнюдь и не фоном, а двигателем, источником изменений? В какую сторону повернёт колесо истории, зачастую зависело от того, кто именно окажется у власти, какие идеи его вдохновляют, в какой мере его мотивы обусловлены жаждой превосходства и

удовлетворением собственных амбиций, а в какой – заботой об обществе. Но история власти – это и история развития социальности, выстраивания и усложнения общественных структур, установления иерархии в целях поддержания порядка и сохранения их целостности.

Надо отметить, что именно мечта о лучшем будущем и достижение общего блага лежат в основе идеи власти, которая может быть определена как победа разума над слепыми силами общественной стихии, инстинктами, страстями, раздирающими

человечество, спасение от бесконечных войн и междоусобиц, защита от произвола и своеволия. Известно, что проект наилучшего общественного устройства «идеального государства» Платона, основанного на высшем принципе справедливости, был буквально выстрадан философом, испытавшим на себе и кровавые распри олигархии, и бескомпромиссную жестокость тирании, и неистовство демократии, казнившей великого Сократа. Идея сильного государства, управляемого мудрым правителем с помощью разумных законов, кажется совершенно бесспорной. Разумный подход, ключ к организации регулируемой совместной, коллективной жизни и труда людей, величайшая догадка, порождение интеллекта – вот что такое власть в руках человека [1, с. 12]. Исчезнет власть, и общество окажется погружённым в хаос.

Большинство теорий, обосновывающих неизбежность власти, исходят из положения о том, что в основной массе люди не обладают инициативностью, дальновидностью и способностью к самоорганизации. Они легко поддаются влиянию, внушению, предпочитают избавиться от собственной свободы и переложить ответственность на лидера. Не способны они и к глубокому анализу возникающих в жизни общества ситуаций и стратегическому планированию. Поэтому естественным образом возникает потребность в тех, кто мог бы воплотить в себе эти качества, был бы способен ставить цели, мотивировать, вдохновлять, направлять, иначе говоря, взять на себя это тяжкое бремя руководства. Благодаря властным возможностям и лидерским качествам сильных личностей удаётся сплавлять нации, поднимать людей на борьбу с узурпаторами, проводить кардинальные реформы.

Однако конкретные обнаружения власти то и дело доказывают её иррациональный, аффективный характер, а целью власти оказывается не благополучие общества, а сама власть. Противоречивость власти коренится отчасти в том, что как объективно обусловленный социальный феномен она непременно наталкивается на субъективность опыта властителя. Именно человек со всеми его вожделениями и конфликтами является вместилищем властного стремления, а поэтому сама практика власти неизбежно несёт отпечаток несовершенной природы человека. Она ограничивает свободу, поработачивает, будучи бесконтрольной, легко превращается в своеволие и деспотию, отчего оказывается источником многих зол и несчастий. Ради власти приносят огромные жертвы, которые чаще всего ложатся тяжким бременем отнюдь не на плечи их приносящих, а на плечи тех, кто оказался лишь пешкой в чужой игре. Власть оправдывают

желанием мира и справедливости, но добиваются вражды и ощущения превосходства.

В многочисленных попытках осмыслить власть философы старались ввести эту страсть в рамки разумности, полезности, ограничить субъективный, волюнтаристский характер её проявления. Как известно, Платон правом власти наделял исключительно философов, искусных в диалектике и способных «постичь то, что вечно тождественно самому себе» [2, с. 262], то есть максимально приблизиться к идее, смысловому образцу государства и наиболее полно и развёрнуто воплотить его в общественном устройстве. Преобладающим началом их души должен быть ум, способность рассуждать и подчинять начало вожделеющее, отвечающее за аффекты, влечения и страсти. Воспитанные в соответствии с философскими традициями мудрости, они становятся богаты добродетельной и разумной жизнью, а потому перестают воспринимать власть как возможность доступа к общественным благам.

Однако И. Кант приводит следующий довод против отождествления власти и философии: «Нельзя ожидать, чтобы короли философствовали или философы стали королями. Да этого не следует и желать, так как обладание властью неизбежно искажает свободное суждение разума» [3, с. 37]. Это высказывание можно интерпретировать как своего рода возражение Платону, что разумное начало способно освободиться от влияния начала вожделеющего даже у мудреца. Власть портит, развращает, подчиняет ум и ставит его на службу целям собственного оправдания и обоснования, порождает цинизм и политиканство, что делает труднодостижимым её преобразование с точки зрения морального закона. Обладание властью неизбежно низводит человека до технически-житейского уровня, до банального манипулирования и оболванивания, до овладения людьми как простыми орудиями своей воли, что, в свою очередь, противоречит требованиям практического разума и не может быть общим законом общежития. Более того, власть невозможно вывести из поля желаний, потому что она сама является одним из сильнейших стимулирующих его объектов, поставляя в невиданном избытке горячие кровь, раздражители, такие как признание, восхищение, раболепие, манипулирование не абстрактными и неодушевленными объектами, а живой плотью, испытывающей самую разную гамму чувств от страха и ненависти до любви и почитания.

Пожалуй, Кант был первым, кто охарактеризовал власть как человеческую страсть, как «склонность, которую разум субъекта подавляет с трудом

или вообще не может подавить» [4, с. 284], причём эта склонность «мешает разуму при том или ином выборе сравнить её с суммой всех других склонностей» [4, с. 300]. Иными словами, она способна поглотить все иные устремления человека, не оставив возможности выбора альтернативных настроений. Властолюбие социально необходимо, приемлемо и желательно, так как реализует организующий и креативный принцип, однако оно же превращается и в упоение властью, неистовое подчинение своей воле, в неистощимую, гложущую страсть, использующую любую возможность заявить о себе.

Интеллектуальная диктатура

В аргументации, почему философам не следует становиться королями, может быть также справедливой мысль, противоположная кантовской, а именно: тотальность разума порождает деспотию не меньше, чем разгул страстей и своеволия. Образ властителя-философа, смирившего личные вожеления и подчинившего свою жизнь постижению и исполнению общего блага, кажется более чем привлекательным, так как отвечает на запрос общества об установлении справедливого порядка и организации. Но не становится ли тогда власть источником удовлетворения другого вида страсти – интеллектуального господства? С. Л. Франк таким образом определяет проблему: «Великая идея организации человеческого общежития, замены хаотической анархии сознательной планомерностью не только вполне правомерна, но составляет один из непреходящих философско-политических идеалов. Однако взятая как отвлечённое начало, без необходимых ограничений, вытекающих из других нравственных требований, без сознания трудностей, препятствующих её осуществлению, она даёт начало своеобразной и односторонней системе мыслей, логически приводящей к деспотизму» [5, с. 116]. Каким образом выстраивается такая система мыслей?

Человеку естественным образом свойственно фантазировать и конструировать идеальные образы, искать лучшие способы устройства, в том числе общественного и государственного. Однако осуществление идеала всегда требует унификации, единообразия, максимальной солидаризации членов общества вокруг объединяющей цели, претендующей на статус истинной, и определения того единственно верного пути, которым её можно достичь. В то же время, люди, исходя из существа своей природы, не склонны к единомыслию, напротив, им свойственна разрозненность и противоречивость суждений и стремлений. Человек не

детерминирован инстинктами, диктующими ему программу поведения, как это свойственно животным. Он волен поступать сообразно своему разуму, желаниям и целям, волен выбирать ценности и следовать их сохранению, даже если те входят в конфликт с суждениями и ценностями других людей или общества в целом. Человеческие устремления столь многообразны и разнонаправленны, что сложно себе представить добровольное достижение требуемого согласия целей и средств. Личность противостоит социуму в том, что противится принудительному установлению одинаковых для всех ориентиров, тогда как общество для сохранения собственной целостности и стабильности требует встраивания всего множества составляющих его субъектов в общую структуру.

Но поскольку противоречие не устранимо никаким естественным образом, а представление об общем благе требует его преодоления, то объединение возможно лишь с помощью принуждения, обоснованием которого является убеждённость в обладании абсолютной истиной. При том, что целокупность всех имеющихся в обществе суждений весьма разнообразна, каждому человеку свойственна убеждённость именно в собственной правоте, причём порой она достигает размаха сверхрациональной, почти мистической веры в безупречность собственного знания, создающей ощущение откровения и прозрения. Такая идея непогрешимости, по мнению С. Л. Франка и является глубочайшей подоплёкой деспотизма, так как явно или безотчётно присутствуя в сознании того, кто верует, что проник в истину, она искажает его представление о себе, позволяя занять позицию высшего существа, то место, что отведено лишь Богу. Если простая убеждённость в собственной правоте всегда оставляет зазор для сомнения, возможность фальсификации, признаёт за другими право на инакомыслие, то уверенность в собственной непогрешимости не приемлет рациональных аргументов, устраняет равноправие и равноценность между людьми, низводит мнения других до отождествления их с ложью, невежеством или предразсудком. «Всякий деспотизм, если он вообще ищет идейного оправдания, опирается в конечном счёте на идею непогрешимости; всякая непогрешимость, с другой стороны, с логической неизбежностью приводит к деспотизму, к нравственному оправданию принудительной опеки мудрых над безумными, зрячих над слепыми» [5, с. 119].

Очевидно, что для исполнения властных полномочий необходимо обладать широким спектром разнообразных человеческих качеств, которые наряду с умом, непременно должны включать в себя

и инициативность, решительность, и определённую меру сострадания, милосердия и терпимости. Но если превалирующим качеством оказывается ум, стремящийся в одностороннем порядке подчинить себе действительность, стянуть всё её многообразие к единственному, на его взгляд, верному представлению, то такая идейность порождает особого рода властолюбие – жажду идеологического господства, ту самую вожделеющую страсть, освобождение от коей и было, по Платону, условием вхождения в круг властителей.

Корни деспотизма, по С.Л. Франку, лежат глубже, чем простое стремление настоять на своих идеалах, они уходят к извечному противостоянию добра и зла. Способен ли человек, страстно стремящийся утвердить собственную истину, позволить осуществиться иному порядку вещей? Вероятно, он будет воспринимать любое инакомыслие как враждебное, не вписывающееся в прокрустово ложе того идеала, что видится исключительно верным, а значит станет рассматривать его как угрозу и зло, с которым необходимо бороться. Отсюда вырастает сбивающая с толку неопровержимость моральной установки диктатора, так как она вполне логично может быть оправдана и понята, но только если принять абсолютность, непогрешимость его идеи. Но возможно ли что-то непогрешимое в мире человеческого? Если исходить из очевидной мысли, что человеческое сознание всегда неполно и несовершенно, то интеллектуальная диктатура лишается незыблемости своего основания, и может оцениваться как поработящая и принудительная практика.

Всякая идея, как бы хороша она ни казалась, какую бы ценность ни представляла, способна служить благу только будучи равнозначной в ряду других идей, дополняющих, спорящих, а, возможно, и опровергающих друг друга. Именно в такой полемике и может выкристаллизоваться истина, которая уже будет не насильственной, а естественно воспринимаемой. Однако сугубо человеческие гордыня, эгоизм, самомнение, стремление к превосходству тотально противостоят свободе, желают в каждый момент времени утвердить своё господство; всегда находится кто-то, кто думает лучше, знает больше, а видит дальше. Будучи проявлением вожделеющей части души, власть, по выражению Н. Бердяева, выражает истины «слишком человеческие», а потому призванная исправлять и организовывать испорченность, ограниченность природы человека, она усугубляет их выражение у своих представителей: «к общей греховности человеческой природы у носителей власти присоединяется ещё «грех власти», «похоть власти». [6, с. 38].

Благоприобретённая страсть

Типологизируя страсти, И. Кант относит властолюбие к разряду благоприобретённых, то есть возникающих из культуры человека [4, с. 303]. В такой постановке проблемы, безусловно, есть огромная доля истины, так как стремление к власти может быть помыслено только в социальном контексте – оно возвращается и подкрепляется общественными отношениями. Власть прочно ассоциируется с деньгами, почётом и влиянием, может принимать форму холодного расчёта, направленного на достижение конкретных целей, даёт возможность использования других людей в качестве средства для удовлетворения своих склонностей. Но самое главное, власть возникает лишь там, где есть готовность подчиняться. Люди в своей массе проявляют стойкую тенденцию к исканию над собой власти, тем самым порождая и поддерживая её. С одной стороны, это естественная потребность воздействия одного человека на другого, основа любого общества, которая не обязательно является проявлением слабости, наоборот – проявление обеспокоенности за общую судьбу, желание установления и поддержания порядка. Но с другой стороны, многие исследования показывают, что в современных условиях согласие на власть зачастую приобретает чрезмерный, патологический характер. Так, Э. Фромм, написавший революционную для своего времени работу «Бегство от свободы», раскрыл психологические механизмы непереносимого человеческого стремления перепоручить ответственность за свою жизнь, отдать её в руки другого, только бы не испытывать мучительного чувства одиночества и бессилия.

Человек сам становится творцом своего рабства. Общество держится на сцепке подчинения и повиновения, причём происходит саморегуляция этих процессов – человек бывает поочерёдно то раболепным, то деспотичным, то подлаживается под окружающих, заискивает и подчиняется, то гнёт свою линию, настаивает и повелевает. Стоит только отказаться от одной из составляющих, как индивид обнаруживает себя выброшенным на обочину, утратившим основания для движения в общем потоке. Выстраивание собственной идентичности становится мучительным процессом из-за боязни выпасть из социума, перестать соответствовать его стандартам. Этот страх становится настоящим бичом современного человека, заставляющим его угнетать собственную индивидуальность в угоду признания общества. Всё острее становится проблема псевдомышления, псевдоэмоций и псевдочувств, когда стереотипные настроения принима-

ются за непосредственные, личные переживания, а разрыв между внешним и внутренним миром усиливается, обнажая экзистенциальную пустоту. Подспудное осознание собственной невосполненности порождает тревожность и ощущение беспомощности, что обуславливает неготовность и нежелание проникнуть в глубинные, часто неосознаваемые процессы, определяющие наше существование. Человек становится заложником страха осознать свою сущность, он боится своей Тени, как чего-то недопустимого, невозможного, должно-го быть спрятанным от любого проникновенного взгляда, даже своего собственного. Подобное напряжение заставляет с особым рвением создавать свой идеальный образ и преподносить его как доказательство своей лояльности общепринятым стандартам и авторитетам.

Но в то же время неприятие и подавление неугодных в данном социуме индивидуальных черт заставляет проективно выплёскивать их на окружающих, видеть в других не признаваемые за собой пороки. Но когда то, что не признаётся и угнетается, встаёт в полный рост в образе «другого», оно вызывает отчаянное желание осудить, исправить, подчинить и уничтожить. Так рождается душа, склонная к подавлению, самообучающаяся «надзирать и наказывать». Так страх своей собственной сути превращается в мощный властный порыв, направленный на угнетение индивидуальных проявлений. Общество – это «тюрьма без стражей», где «каждый должен был бы заниматься своим собственным одиночеством, но получается, что каждый присматривает и за одиночеством других» [7, с. 93], где вместо стражей – мы сами, наша беспомощность перед мнением других и готовность осудить любого, кто не вписывается в уготованные рамки, наша способность подавить и боязнь быть изгнанными.

Там, где есть запрос на подчинение, всегда найдётся тот, кто подхватит власть. Однако роль социума во «взрачивании» властолюбия не исчерпывается лишь потребностью в господине. Она также в значительной мере определяется теми эмоциональными реакциями, которые в избытке продуцируются подчинёнными – преклонением, подобострастием и, непременно, лестью. Властитель оказывается буквально окружён славословием, восхваляющим его и его деяния независимо от того, насколько они отражают действительность. Человек сам по себе, вне других, имеет весьма смутное представление о том, что он собой представляет; лишь отталкиваясь от других, он может создать образ самого себя. Но какой интроспективный образ самого себя может сформироваться у

властителя, если критика отсутствует, а обратная связь наличествует лишь в виде рукоплексаний и неизменной демонстрации признания? Безусловно, в такой ситуации стираются всякие точки отсчёта для анализа и трезвой оценки своих действий, а ориентиры могут быть смещены в сколь угодно выгодное положение, так как льстецы всегда готовы оказать «услугу» выгодной интерпретации и оправдания. Создаётся стойкая уверенность в собственной избранности и непогрешимости, исчезает надобность в самокритике и самосовершенствовании. И.А. Ильин так описывает ситуацию самоослепления властителя: «лесть внушает монарху, что он лично, как он есть, не имеет надобности строить, воспитывать, очищать и укреплять свою душу; он якобы уже достиг совершенства; божественно-ноуменальная часть его существа, в которую верит монархическое правосознание, якобы уже достигла такой власти и цельности и так поглотила его эмпирически-личную грешную душу, что он имеет право считать себя совершенством». [8, с. 573]

По здравому рассуждению кажется, что разумный человек вполне может распознать лесть, но это меньше всего относится к властолюбцу. Он уже захвачен страстью, а потому будет не только соответствующим образом воспринимать и интерпретировать ту информацию, которая эту страсть поддерживает, но и поощрять её продуцирование, носящее заведомо ложный характер.

Итак, властность культивируется социумом. Однако тот факт, что человек оказывается падким на власть, легко проявляет готовность к тирании, стоит только обстоятельствам сложиться надлежащим образом, свидетельствует и о некоей внутренней фатальной к ней предрасположенности, неустранимости этого влечения.

Властолюбие как драма человеческого существования

Исследуя природу человеческих страстей, Э. Фромм пришёл к выводу, что они обусловлены наличием противоречия в самой сердцевине человеческого бытия и представляют собой различные реакции на экзистенциальные потребности, а также способы их удовлетворения [9, с. 294-295]. Оставаясь дитём природы, человек оказался вырван из её лона, лишён строгой детерминации инстинктами и наделён разумом и самосознанием. С одной стороны он окрылён свободой, ему даны совесть и представление о различии добра и зла, дар предвидения и возможность самому принимать решения, но с другой – он отягощён ответственностью, стра-

хом перед неустойчивостью и неопределённостью собственного существования, пониманием своего одиночества как необходимости постоянного выбора и самостоятельного принятия решений. Он приговорён каждый раз заново выстраивать отношения с миром, не имея ясных и навсегда установленных ориентиров, но опираясь лишь на собственную субъективность.

У животных такими ориентирами служат инстинкты, однако у человека они ослаблены и играют определяющую роль лишь на физиологическом уровне, сообщая о необходимости утолить жажду, голод, сексуальное влечение. Но инстинкт ничего не знает о морали, о том, что нравственно, а что предосудительно. Не может он и помочь при выборе путей вхождения в социальность, тех способов, которыми индивид решает связать себя с окружающей действительностью. Человек испытывает настойчивую потребность в обретении утраченной целостности, в нахождении неких фиксированных точек в хаосе бытия, позволяющих ему выстроить картину мира и действовать исходя из неё. Интроспективно это выражается в ощущении внутреннего стержня, того ресурса, что даёт возможность самостоятельно находить ответы на каждодневные многочисленные вопросы и решать экзистенциальные противоречия. Очевидно, что создание такой внутренней опоры требует колоссальных усилий со стороны индивида, предполагающих отказа от инфантильности, принятия ответственности, самопревозможения, проявления смелости, решительности и настойчивости, отзывчивости и мудрости. Оно является не чем иным как движением к обретению собственной личности.

Однако далеко не всегда путь обретения внутренней силы оказывается по плечу, и порой ему предпочитают более «простой» способ – создание лишь психической фикции, видимости силы, ставящей задачу убедить окружающий мир в собственной значимости, во что бы то ни стало заставить его поверить в своё могущество. В этом случае место, которое в норме должно занимать выстраивание личностных структур, занимает жажда власти как способ самоутверждения. А Адлер, полагавший, что стремление к превосходству является конечной целью всех проявлений человеческой жизни, определял эту цель как однозначно ложную, нездоровую и противоречащую социальному чувству [10, с. 12]. Её фиктивность он объяснял тем, что властность не позволяет индивиду стать полноценным членом общества, установить подлинные связи с другими людьми. Более того, она формирует личностную установку, не позволяющую отдавать, одаривать, быть

полезным, но сфокусированную на личной выгоде, эгоизме и потреблении. Однако фиктивность цели можно рассматривать и с точки зрения её принципиальной недостижимости, невозможности реализации в силу того, что её основанием является неполноценность и неизжитое сомнение в самом себе, слабость, которая усиленно маскируется, скрывается, замалчивается. Подлинное недовольство собой не позволяет удовлетвориться достигнутым уровнем власти и благополучия. Сколь бы высоким он не был, жажда власти кажется ненасытной [11, с. 398].

Обретение власти над другими людьми – это не что иное, как своеобразный ответ на экзистенциальную потребность преодолеть изолированность, вписать себя в окружающий мир, найти своё место в нём. Установление господства, как не покажется это странным, есть способ эмоциональной связи в том случае, если другие варианты оказались не приемлемы или не доступны.

Очевидно, что любовь, забота, творчество выступают естественными, самой природой предназначенными способами завязывания отношений, однако не вызывает сомнения и то, что они требуют намного большего приложения душевных усилий: терпения, внимания, самоограничения и самоотдачи, борьбы с собственным эгоизмом и нарциссизмом, отказа от низменных, сиюминутных желаний. Но самое главное, для их реализации необходимо самому обладать развитыми чувствами и эмоциями, способностью понимать состояния и настроения другого, желанием их разделить. Стремление же к власти, как и другие деструктивные тенденции, избавляет человека от необходимости выстраивать свой сложный эмоциональный мир, так как порождает фантазию, что можно «присвоить» эмоции других и управлять ими по собственному усмотрению.

Исследования физиологов и психологов показывают, что человеческому организму для нормальной работы необходимо определённое количество волнения, что человек жадно ищет возбуждения и непосредственно реагирует на него [9, 311-313]. Власть же предоставляет особого рода «лёгкие» раздражители, не предполагающие внутренней душевной работы, не требующие участия и эмоционального отклика, но базирующиеся на потреблении, поглощении эмоций других людей. Причём такие раздражители поставляются в невиданном избытке: признание, восхищение, раболепие, манипулирование не абстрактными или неодушевлёнными объектами, а живой плотью, испытывающей самую разную гамму чувств от страха и ненависти до любви и

почитания – всё это кажется подвластным, смиренно ждущим своего господина.

В случае стремления к власти мы встречаемся с его взаимообусловленностью с недостаточной развитостью эмоциональной сферы. С одной стороны, испытывая затруднения в способности сопереживать, вчувствоваться в другого, человек оказывается неспособным построить с ним близкие, доверительные отношения, вызвать отклик на самого себя и позволить зародиться живому чувству. Однако невыносимость одиночества и экзистенциальная раздвоенность требуют от него установления единства с самим собой и с природным и социальным миром вокруг себя [9, с. 305], поэтому он старается преодолеть свою невосполненность с помощью власти, устанавливая контакт насильственным образом, подчиняя своей воле. Таким образом властолюбец как будто заставляет признать факт своего существования и свою значимость.

Но с другой стороны, жажда власти сама обуживает эмоциональный мир человека, извращает его личность. Поскольку властолюбие – это способ борьбы с чувством неуверенности, неполноценности, то его главной целью становится возвышение своего личностного чувства, ощущения собственной значимости, того влечения, о котором А. Адлер писал: «Быть великим! Быть могущественным! Это всегда было стремлением всех маленьких и чувствующих себя маленькими людей» [10, с. 203].

Возвеличивание всегда предполагает взгляд сверху, а отношения власти строятся по принципу вертикали. Тогда как эмоциональное восприятие другого предполагает вчувствование, возможность поставить себя на его место, а значит переход из вертикальной плоскости в горизонтальную – сотрудничества, понимания, сопереживания. Практика такого перехода воспринимается как потеря власти, как непреодолимая преграда для реализации подчинения и принуждения. В момент эмоционального контакта, предполагающего более или менее равноправные отношения, властитель перестаёт воспринимать подчинённого как вещь, как бездушный автомат по исполнению его воли, он видит живого человека. Но такое видение в силу проявления «человеческой малости» подчас заставляет отказаться от многих проявлений власти. Именно страх эмпатийных отношений, их потенциальная «рискованность» служат причиной сознательного репрессирования чувств, вытеснения их как не соответствующих поставленным целям. Чувства становятся не востребуемыми и опасными. Кроме того, в ситуации, требующей владения и оперирования огромными объёмами информации, быстрого принятия судьбоносных

решений, тренируются ум, изворотливость, расширяется кругозор, крепнет воля, а на эмоциональные проявления не остаётся ресурсов.

Будучи компенсаторной по своей природе, порождённой чувством тревожности и неполноценности, власть постоянно находится в состоянии напряжённого «прощупывания» мира вокруг, непрекращающегося зондирования, с целью либо поиска и нейтрализации ситуаций, таящих в себе опасность подрыва её устойчивости, либо выхватывания любой возможности, способной послужить компенсацией для ещё большего возвышения личности. Отсюда берёт начало и постоянный контроль, навязчивая жажда которого никогда не покидает властолюбца. Такого рода сверхконцентрация на укреплении власти и избегании любого, даже кажущегося, намёка на унижение или возможное поражение создаёт огромные психические перегрузки, уводит личность в сторону шизоидизации, выражающейся в отчуждении от реальности, эмоциональной отстранённости, непереносимости критики и чрезмерной подозрительности.

Стремление к власти, бесспорно, раскрывает один из феноменов человеческой природы, который, однако, не поддаётся однозначной расшифровке. Властолюбие всеохватно, оно пронизывает буквально все пласты существования: будучи укоренённым в инстинкте как потребность в росте и доминировании, оно подкрепляется социальным запросом общества на лидера, подпитывается психологической потребностью людей в подчинении. Необходимость во власти продиктована разумом, но разум сам превращается в роковую, недвусмысленно агрессивную силу, которая не только завоёвывает личность изнутри, но и – помимо её желаний и участия – подчиняет извне [12, с. 76]. Реализация властного начала требует избытка силы, но в действительности оказывается, что мотив власти обусловлен её недостатком.

Человек не может не властвовать, это его универсальная потребность, его страсть. Именно с позиции рассмотрения власти как страсти становится возможным понимание многих сопровождающих её социальных и психологических явлений.

Власть поработает, ограничивает, лишает возможности свободно полагаться на свою волю и желания. Она же навязывает единственно верный по её убеждению способ мысли, не приемлет критику, всегда интерпретируемую как опасность для установленных порядков. Власть действует беспощадно по отношению к тем, на кого направлена. Но она оказывается беспощадной и к самому властителю, подчиняя всё его существо своей собственной логике, обуживая и обедняя его личность.

Библиография:

1. Халипов В. Крактология как система наук о власти. М.: Республика, 1999. 303 с.
2. Платон. Государство // Платон. Собрание соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79-420.
3. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 5-56.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения проект // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 137-376.
5. Франк С.Л. Филосовские предпосылки деспотизма // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 114-127.
6. Бердяев Н. Об авторитете, свободе и человечности // Журнал «Путь». № 50. С. 37-49.
7. Сиоран. Испытание существованием. М.: Республика; Палимпсест, 2003. 431 с.
8. Ильин И. А. О монархии и республике // Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. IV. М., 1994. С. 417-576.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2015. 618 с.
10. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М.: «Когито-Центр», 2002. 220 с.
11. Шибутани Т. Борьба за признание и власть // Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия / Сост. Райгородский Д.Я. Самара, 1999. С. 394-398.
12. Гуревич П.С. Философия человека. Ч. 1. М., 1999. 221 с.
13. Гуревич П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 63-87.
14. Моница И.А. Властолюбие как антропологическая проблема // Философия и культура. 2008. № 2. С. 125-141.

References (transliterated):

1. Khalipov V. Kratologiya kak sistema nauk o vlasti. M.: Respublika, 1999. 303 s.
2. Platon. Gosudarstvo // Platon. Sbranie soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1994. S. 79-420.
3. Kant I. K vechnomu miru. Filosofskii proekt // Kant I. Sochineniya. V 8-mi t. T. 7. M.: Choro, 1994. S. 5-56.
4. Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya proekt // Kant I. Sochineniya. V 8-mi t. T. 7. M.: Choro, 1994. S. 137-376.
5. Frank S.L. Filosovskie predposylki despotizma // Voprosy filosofii. 1992. № 3. S. 114-127.
6. Berdyaev N. Ob avtoritete, svobode i chelovechnosti // Zhurnal «Put'». № 50. S. 37-49.
7. Sioran. Iskushenie sushchestvovaniem. M.: Respublika; Palimpsest, 2003. 431 s.
8. Il'in I. A. O monarkhii i respublike // Il'in I.A. Sbranie sochinenii. T. IV. M., 1994. S. 417-576.
9. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. M.: AST, 2015. 618 s.
10. Adler A. Ocherki po individual'noi psikhologii. M.: «Kogito-Tsentr», 2002. 220 s.
11. Shibutani T. Bor'ba za priznanie i vlast' // Psikhologiya i psikhoanaliz vlasti. T. 2. Khrestomatiya / Sost. Raigorodskii D.Ya. Samara, 1999. S. 394-398.
12. Gurevich P.S. Filosofiya cheloveka. Ch. 1. M., 1999. 221 s.
13. Gurevich P.S. Problema identichnosti cheloveka v filosofskoi antropologii // Voprosy sotsial'noi teorii. 2010. T. IV. S. 63-87.
14. Monina I.A. Vlastolyubie kak antropologicheskaya problema // Filosofiya i kul'tura. 2008. № 2. S. 125-141.